

воспитательной деятельности, т. е. быть специалистом в своей области науки и хорошим психологом и педагогом. Преподаватель должен содействовать своими знаниями, жизненной позицией утверждению принципов толерантности. Мудрый педагог должен знать и уметь, как сплотить студентов, сблизить в учебно-воспитательном процессе, приобщить к общечеловеческим ценностям культуры. А ведь учебная студенческая группа может организоваться из разных социальных слоев населения, и даже разных этногрупп. Толерантность предполагает терпимое, уважительное отношение к мнению других, умение вести диалог, взаимопонимание, формирование чувства сопереживания с другими людьми.

Наиболее широкие возможности для общения и формирования толерантности у студентов открываются на занятиях по иностранному языку. Студенты, изучая иностранный язык, овладевают не только единицами языка, но и осваивают лингвострановедческий, культуроведческий и социолингвистический материал. Поскольку для успешного изучения иностранного языка важно практическое овладение иностранным языком, т.е. общение, студенты учатся восприятию собеседника, самостоятельному суждению, умению вести диалог. Следовательно, преподаватель имеет возможность формировать у студентов умение строить отношения на основе толерантности. Для этого могут использоваться занятия-диспуты, «круглые столы», конференции, ролевые игры по темам, изучаемым в рамках той или иной специальности.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы:

1. Выпускник вуза должен стать не только специалистом в той или иной области знаний, но и уметь строить конструктивные взаимоотношения с другими людьми.
2. Учебный материал нужно организовывать так, чтобы он учил студентов вести диалог, слышать мнение других, терпимо и уважительно относиться к другим.
3. Преподаватель вуза, как учитель и воспитатель, должен быть сам грамотен, воспитан, обладать толерантностью.
4. Изучение иностранного языка способствует воспитанию толерантности.

Итак, организуя учебный процесс, преподавателям вуза необходимо использовать компонент толерантности.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бархота М.П.** Мотивы толерантности и человеколюбия. – Начальная школа, 2003, №1. -С. 124-125.
2. **Коржуев А.В.** Толерантность в контексте педагогической культуры преподавателя вуза. – Педагогика, 2003, № 5. -С. 44-49.
3. **Мирошниченко Л.** Программа воспитания культуры толерантности в университете. – Высшее образование в России, 2007, №9. -С. 94-97.
4. **Рыбак Е.** Толерантность – феномен образовательного пространства. - Высшее образование в России, 2004, № 3. -С. 175-176.
5. **Степанов П.** Как воспитать толерантность? – Народное образование, 2001, № 9. -С.91-97.

Н.Н. ГАБДУЛОВА

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ

Занятия наукой представляют собой довольно специфический род деятельности человека. Руководствуясь наравне со всеми прочими человеческими занятиями обычными моральными нормами и требованиями, они в то же время нуждаются и в некоторых дополнительных этических регуляторах, учитывающих особый характер научной деятельности. Анализ специфики моральной регуляции в научной сфере и является основной задачей данной статьи.

Предмет исследования: обоснование таких имеющих моральное измерение ценностей, норм и правил, которые бы способствовали, во-первых, большей эффективности научного труда, а во-вторых – его безупречности с позиций общественного блага.

Система подобных ценностей, норм и принципов называется этосом науки. Он охватывает два круга научно-этических проблем. Первый связан с регуляцией взаимоотношений внутри самого научного сообщества. Второй вызван к жизни «обострением отношений» между обществом в целом и наукой как одним из многих социальных институтов. «Внутренний» этос науки, формируемый на основе применения к научной деятельности этического оценочного разделения явлений на «добро» и «зло», включает в себя следующие принципы:

- самоценность истины;
- новизна научного знания как цель и решающее условие успеха ученого;
- полная свобода научного творчества;
- абсолютное равенство всех исследователей «перед лицом истины»;
- научные истины – всеобщее достояние;
- исходный критицизм и др.

Данные принципы этоса науки порождают множество менее объемных, более «технических» требований к деятельности ученого, среди которых: обязательность для научных работ ссылок на авторство тех или иных идей, прозрачность методов получения конечных результатов, ответственность за достоверность приводимых данных и т.д. Назначение всех этих принципов и норм – самосохранение науки и ее возможностей в поисках истины. И все это не просто технический регламент, но одновременно и этические принципы. С моралью их роднит то, что контролируется их выполнение главным образом моральными механизмами внутреннего контроля личности: долгом, честью, совестью ученого. Да и нарушения их караются в основном моральными санкциями.

Второй круг проблем, связанных с моральной регуляцией научного творчества, возникает в XX в. в связи с превращением науки в непосредственную производительную силу и обретением ею влияния планетарного масштаба. Моральное измерение регламентации науки в этом случае получает потому, что деятельность в данной сфере начинает сказываться на интересах общества (человечества) в целом не всегда в позитивном духе. И тому есть несколько оснований:

–создание современной экспериментальной базы и информационного обеспечения науки требуют отвлечения огромных материальных и людских ресурсов, и обществу далеко не безразлично, насколько эффективно эти ресурсы используются;

–в поле зрения сегодняшней науки попали природные объекты, в которые включен в качестве составного элемента сам человек: это экологические, биотехнологические, нейро-информационные и прочие системы, предельным случаем которых является вся биосфера целиком; экспериментирование и взаимодействие с такими объектами потенциально содержат в себе катастрофические для человека последствия, поэтому внутринаучные ценности (стремление к истине, новизне и пр.) необходимо должны быть скорректированы ценностями общегуманистическими, общечеловеческими;

–даже если научные исследования не угрожают безопасности всего человечества, не менее важно исключить возможность нанесения ими ущерба правам и достоинству любого отдельного человека;

–выбор конкретной стратегии научного поиска сегодня уже не может осуществляться на основе внутринаучных целей и мотивов, но требует учета четко просчитанных общесоциальных целей и ценностей, диктующих приоритетность решения множества проблем: экологических, медицинских, борьбы с бедностью, голодом и пр.

Таким образом, потребность в этической (равно как и в правовой) регуляции науки как социального института в конце XX века порождена тем, что некоторые цели-ценности внутреннего этоса науки столкнулись с ценностями общесоциального и индивидуального порядка. Наука, например, на протяжении всей своей истории отстаивала требование полной свободы творчества и выбора стратегий научного поиска и экспериментирования. Современные же требования общественного (этического, политического, правового) контроля за принятием в науке ключевых решений приводят научное сообщество в некоторое смущение. Возникшая дилемма и в самом деле не проста: либо позво-

лить обществу придирчиво контролировать (неизбежно бюрократично и малокомпетентно) жизнь науки, либо выработать собственные дополнительные социально-этические регуляторы научного творчества и добиться их действенности. В настоящее время работа ведется по обоим направлениям. Но поскольку сама цель таких усилий противоречива, дело продвигается трудно.

Итоговое же решение проблемы наверняка будет диалектическим, то есть совмещающим противоположности. Свобода, как известно со слов Бенедикта Спинозы, есть познанная необходимость. Когда родители насильно заставляют ребенка умываться или чистить зубы, он, конечно, не свободен и даже страдает от таких ограничений его свободы. Но повзрослев, человек совершает те же самые нехитрые операции совершенно добровольно, свободно, ибо их необходимость осознана.

Свобода научного творчества также должна быть изнутри детерминирована необходимостью принятия ограничений, связанных с возможными негативными последствиями научных исследований. Если необходимость этих ограничений понята и принята добровольно, свобода научного поиска сохраняется.

Лейтмотив сегодняшней этики науки можно сформулировать так: «Интересы отдельного человека и общества выше интересов науки!» Принять такое требование нынешнему научному сообществу непросто. Сама проблема так никогда ранее не стояла. Молчаливо подразумевалось, что любое знание – это в принципе благо, и поэтому интересы науки и общества всегда совпадают, а не сталкиваются. Увы, XX век развеял и эту иллюзию. Афоризм же «знание – сила» пока не пересмотрен. Но уточнен: сила знания, оказывается, может быть как доброй, так и злой. А отличить одно от другого и помогает этика науки.

Бескорыстное служение идеалам научной истины деформируется, причем весьма существенным образом, под влиянием внеучных и ненаучных факторов. Ученый, максимально информированный в области своих изысканий, за их пределами часто является некомпетентным человеком. Раскрытие физиками тайн атомного ядра позволило создать сначала атомную, а затем водородную бомбу – чудовищные средства уничтожения жизни на Земле. Создавать или не создавать атомную бомбу – это уже вопрос не физической теории, а скорее психологии, социологии, других гуманитарных наук. Между тем он решался не учеными, а политиками, которые сумели привлечь к исполнению своих замыслов ряд выдающихся физиков и техников.

Рано или поздно необходимо разрешить проблему правильного использования достижений науки. В таком случае мгновенно возникает вопрос об этике ученого, его нравственности. К сожалению, достижение истины не всегда ведет к добру. Прав французский философ М. Монтень, отмечавший, что тому, кто не постиг науки добра, всякая наука приносит лишь вред.

Одним из необходимых условий и особенностей развития науки является свобода научного творчества. Во всех своих аспектах – в психологическом (свобода воли), гносеологическом (свобода как познанная необходимость), социально-политическом (свобода действий), связанных между собой, свобода в области науки проявляется в особых конкретных формах и выступает, как необходимое основание ответственности не только ученого, но и человечества в целом.

Свобода должна проявляться не только во вне и при помощи науки, но и внутри нее самой во всех формах свободы мысли (постановка научных проблем, научная фантазия, предвидение и т. п.), свободы выбора объектов исследований и методов научной работы, свободы действий (эксперимент, практическое использование научных достижений и т.п.), социальной свободы ученого как личности и др.

Одним из проявлений свободы научного творчества, а, следовательно, и ответственности, является способность ученого освободиться от предвзятых мнений, умение практически проанализировать свою работу и доброжелательно отнестись к работе другого, увидеть в ней зерна истины. Постоянное сомнение в правильности и достоверности выводов и открытий, является одним из оснований научной добросовестности, чувства ответственности ученого за истинность научных взглядов. Победа сомнений, которой

предшествовала интенсивная работа мысли по проверке выводов и выражает подлинную свободу творчества.

Одной из особенностей современной науки является ее все большее сближение с производством, уменьшается дистанция от момента научного открытия до его практического воплощения, ответственность ученого увеличивается. Появляется необходимость того научного риска, без которого невозможно претворение лабораторных результатов и научных выводов в производство в широком масштабе. Таким образом, вопрос о практическом применении научных открытий заключает в себе проблему риска, то есть осознания ученым необходимости той смелости, которая выступает одной из конкретных форм проявления ответственности.

Формы проявления научного риска многообразны, но всегда вопрос о нем тесно связан с проблемой моральной ответственности ученого.

В осознании ученым возможности или необходимости определенного научного риска проявляется противоречивый характер свободы научного творчества, с одной стороны, и ответственности – с другой.

Ответственность ученого является оборотной стороной свободы его научного творчества. С одной стороны, ответственность немислима без свободы, с другой – свобода без ответственности становится произволом.

Когда четкие нравственные критерии утрачивает современный ученый, вооруженный всей мощью современной техники и поддержанный всеми «активами» современных государств, когда он «в интересах науки», а не из нравственности, а часто и из чисто «эстетического» интереса к «делу», к открытию и творчеству, как таковому, изобретает наборы ядов, атомное, бактериальное, психопатогенное и т.д. оружие, это смертельно для человечества, не говоря о том, что это смертельно и для науки.

Среди областей научного знания, в которых особенно остро и напряженно обсуждаются вопросы социальной ответственности ученого и нравственно-этической оценки его деятельности, особое место занимают геновая инженерия, биотехнология, биомедицинские и генетические исследования человека, все они довольно близко соприкасаются между собой.

Именно развитие геновой инженерии привело к уникальному в истории науки событию, когда в 1975 году ведущие ученые мира добровольно заключили мораторий, временно приостановив ряд исследований, потенциально опасных не только для человека, но и для других форм жизни на нашей планете.

Мораторию предшествовал резкий рывок в исследованиях по молекулярной генетике. Однако другой стороной этого прорыва в области генетики явились таящиеся в нем потенциальные угрозы для человека и человечества. Такого рода опасения и заставили ученых пойти на столь беспрецедентный шаг, как установление добровольного моратория. Тем не менее, дискуссии вокруг этических проблем геновой инженерии отнюдь не утихли. Они стали предметом особой науки – биоэтики.

Биоэтика – порождение западной цивилизации конца XX века. Биоэтика пытается ответить на тот морально-мировоззренческий запрос, который порождают медико-биологические исследования, и сегодня уже можно говорить о наметившихся позициях. Согласно одной из них, биомедицинские технологии допустимо рассматривать как ту «аномалию», которая не может быть освоена средствами концептуально-понятийного аппарата устоявшейся «парадигмы» (традиционное морально-мировоззренческое сознание).

Две старые мировоззренческие традиции – религиозно-идеалистическая и материалистическо-натуралистическая – равно остановились у порога Жизни и Смерти. Выход за их пределы был ограничен с одной стороны «Волей Божьей», с другой непознаваемыми или еще не познанными «законами Природы». В рамках этих традиций, которые условно можно назвать онтоцентрической парадигмой, человек не обладал правом произвольного манипулирования своей «уже ставшей» биологической сущностью, которая, и в естественнонаучном материализме и в догматическом богословии, заключается в его смертности и размножении. Новые возможности биомедицинского управления процессами размножения и смертности обнаруживают несостоятельность онтоцентрической парадигмы.

Эта несостоятельность закрепляется успехами техногенной цивилизации и либерально-демократического «строительства».

Человек все чаще отказывается себя понимать как «пассивный» материал в руках высших сил (Бог, Природа) и все более укрепляется в оценке себя как самодетерминируемого существа, целенаправленного «творца» техники, своей жизни, самого себя. Все это – характеристики антропоцентрической мировоззренческой парадигмы, в границах которой допустимо понимание биоэтики как системы «новых этических стандартов».

Один из стандартов связан с реанимационной практикой. Совершенствование реанимационных методик превратило умирание в длительный механизированный процесс, поставив новый для человека морально-этический вопрос: кто в данной ситуации должен принять решение о смерти – сам умирающий, врачи или родственники? Данная реальность в значительной степени способствует формированию у медицины, наряду с традиционной здравоохранительной, новой функции – смертеобеспечения. Эта функция прочно закрепляется развитием трансплантологии, ибо основным источником биоматериала – человеческих органов, подлежащих трансплантации, являются «терминальные пациенты».

Для формирования «нового этического стандарта» используется превращенная форма – «дарение своих органов». Именно он определяет и новые критерии гуманности – чем выше «органическая ценность», тем выше гуманность, наличие которой проявляется в способности к «дарению своего биоматериала». Однако если этому «стандарту» ещё предстоит завоевать «умы», то право на уничтожение своего биоматериала (аборт), пожалуй, уже приобрело искомый статус стандарта. В 1920-х годах в России начинается, а к 1980-м практически заканчивается «молчаливая революция» в общественном сознании: «право на свободу выбора», сохранять или не сохранять жизнь своего ребенка, становится основным нормативным регулятором, обесценив и практически вытеснив норму «не убий».

Обесценивание и вытеснение многих традиционных ценностей возможно и ожидается при условии неограниченного и массового распространения методик искусственного оплодотворения – «асексуального размножения».

Транссексуальная хирургия – ещё одно медицинское нововведение. Оно возникло как следствие широкого правозащитного движения, и, в частности, новых подходов к сексуальности человека. Транссексуальная хирургия, которая, как правило, сопряжена с подавлением функции продолжения рода, косвенно, но все же существует в режиме обеспечения сексомоторной сексуальности, то есть стандарта «анормальность».

Практика генетической диагностики приводит к вопросам: что такое здоровая наследственность, хороший или плохой ген, существует ли мера допустимых для общества аномалий? Неудивительно, что генные технологии называют «новым социальным оружием».

Принцип «личного права» стал этическим стандартом и для «антипсихиатрического» движения. В основе, признание права пациента на отказ от принудительной изоляции, госпитализации, определенным методам лечения лежит признание права каждого человека на свой «образ мира». Последовательное осуществление этического стандарта «личное право» оборачивается реальным обесцениванием традиционных норм.

Последние десятилетия отмечены чрезвычайным развитием нейробиологии, в рамках которой возникли и успешно развиваются новые направления, изучающие структуру и функции центральной нервной системы человека. Результаты этих исследований, как имеющие подлинно научное значение, так и представляющие собой скоропалительные, необоснованные или явно сфальсифицированные «сенсации» таят опасность их антигуманного использования отнюдь не в целях излечения психических расстройств, а в качестве средства «модификации поведения». Бурное развитие химии и фармакологии в течение последних десятилетий обогатило медицину большим количеством новых активных лекарственных средств, воздействующих на психику человека и его поведение. Успехи нейрохирургии позволили проводить тонкие и сложные операции на мозге. Все эти достижения научно-технического прогресса и естественное стремление ученых проникнуть в

тайны деятельности мозга человека выдвинули ряд важных морально-этических и правовых проблем.

Понимание биоэтики как «новой этики» в рамках антропоцентрической парадигмы можно рассматривать как следствие «правовой ошибки», то есть сведения моральных ценностей к природно-психологической основе. Типичным примером натуралистической ошибки является гедонистический принцип «удовольствие является единственным добром».

Для поиска и обоснования разумных и вместе с тем подлинно гуманных позиций при столкновении с этими проблемами в сегодняшнем мире использование средств философского анализа, обращения к опыту философских размышлений становится не просто желательным, а необходимым.

О.Е. ГЕРМАНОВА

«НОВЫЙ ПОРЯДОК» И ШКОЛА В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ ПСКОВЩИНЫ

Рассматривается работа «народных школ» при оккупационном режиме в годы Великой Отечественной войны.

В своем выступлении в День Победы президент РФ Д.А. Медведев сказал: «Надо крайне серьезно относиться к любым попыткам посеять расовую или религиозную вражду, разжечь идеологию террора и экстремизма, к намерениям вторгаться в дела других государств, а тем более – к попыткам пересмотра границ. Нельзя допускать пренебрежения нормами международного права – права, которое было выстрадано всем мировым сообществом, права, без которого невозможна безопасная жизнь и справедливый миропорядок».¹

В годы Второй мировой войны явным нарушением международных норм являлось установление оккупационного режима на захваченных нацистской Германией территориях. С начала войны фашистский генеральный план покорения Восточной Европы «Ост» был конкретизирован для оккупированной части СССР.

Оккупационный режим германского фашизма в войне против Советского Союза ставил цели политические: уничтожить коммунистическую идеологию и Советское государство, экономические: превратить страну в аграрно-сырьевой придаток, источник дешевой рабочей силы, в свою внутреннюю колонию. Идеологической основой оккупационной политики являлся антикоммунизм и расизм.

С июля 1941 «рейхсминистром оккупированных восточных областей» был назначен Альфред Розенберг - один из главных идеологов нацистской партии, представитель высшего эшелона Третьего рейха. Устанавливая свой режим, захватчики сразу стали насаждать так называемый «новый порядок», реализация которого напрямую была связана с внедрением его идей в процесс школьного образования.

В самом начале Великой Отечественной войны Министерство по делам оккупированных восточных областей указывало на то, что «в Остланде следует стремиться к быстрому восстановлению школьного преподавания, если в распоряжении имеются подходящие и надежные преподаватели».²

Образование на оккупированных территориях России было предметом ведения министерства по делам оккупированных восточных территорий, военных губернаторов, различных гражданских органов власти — городских и сельских управ, бургомистерств. Четкого, юридически оформленного разграничения полномочий между этими властными структурами не было, что приводило часто к дезорганизации и конфликтным ситуациям.

¹ Выступление Президента РФ Д.А. Медведева на Военном параде в честь 63-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 9 мая 2008 года

² С. Константинов. «Хайль Сталин!» // Родина 10/2002. - С.54